

По зелёному – белое.
Холода, холода...
Где ты, давнее, смелое,
подевалось куда?
Где же ты, незакатное,
безрассудное – где?

...Не объять необъятное,
как круги на воде.
Зреет боль скороспелая,
вяжет руки беда.
По зелёному – белое.
Холода. Холода...

* * *

Я не в горнице, я не горлица.
Синь-простор меня всё сторонится.
Не лебёдушка и не утица –
не в ковше – в душе баламутится.
То ль цветёт ольха, то ли вербица?
Что таить греха, коль не терпится –
на ребро крыло, да и в сторону, –
всем чертям назло – к чёрну ворону!

* * *

Розовая роза розовеет,
за окошком вечер чёрно-синь.
Ни о чём сегодня не жалею,
пусть всё будет так, как есть...Аминь!
Я сама себя сейчас не помню,
позабыла, что там впереди.
Может быть, в залитый солнцем полдень
кто-то свыше скажет мне: «Иди!»
И пойду с котомкою холщёвой,
Как бывало раньше на Руси,
по траве росистой да медовой,
по Руси босою колесить.
А когда несбыточным повеет
так, что сразу сердце напрочь вынь, –
ясно вспомню: роза розовеет,
за окошком вечер тёмно-синь.

* * *

Ждала и ждать я зарекалась.
Вновь отрекалась. Вновь ждала.
Вставало солнце и смеркалось,
но безучастной я была.
А ты пришёл, когда казалось,
что ты вовеки не придёшь.
И ночь по комнате металась,
и умирал за дверью дождь...

* * *

Вот и осень. Вот уже и осень...
В пух и прах развеяны мечты.
Мне сентябрь в лицо сегодня бросил
первые багряные листы...
Отзвенело, отцвело, отпело
лето по лугам и по лесам.
Отсветило солнце оголтело
голубым небесным парусам.
Отстрадала вещая кукушка
в недалёком знойном далеке.
Оттремели грозы погремушкой,
откачались ивушки в реке...

* * *

Стали дни короче,
стал тревожней сад,
холоднее – ночи,
гуще – листопад.
Лёг октябрь на плечи
вереницей дней...
Стало думать – легче,
а мечтать – трудней!

Лене Курочкиной

Почему ты рисуешь деревья, девочка?
– Потому что они такие большие и одинокие,
а я объединяю их касанием ветвей!
Но почему ты не рисуешь людей,
ведь они тоже большие и одинокие?
– Сблизив ладони людей,
я бессильна сблизить их сердца.

* * *

Не казись, мой милый, – это я сама
наспех мастерила замки-терема...
Сердцем раскалённым я не грела – жгла,
ковшиком бездонным я любовь пила.
В облаках парила – на земле жила...
Мостик без перила, лодка – без весла

* * *

* * *

Ты слышал эхо, а не песню,
когда созвездия цвели,
когда казалось – с нами вместе
с ума сходили соловьи.
Не пламя жгло тебя, не пламя,
а только отблески его...
Но в этот час и боги сами
не понимали ничего...

Я меры не знала ни в чём,
а где она, мера?
Я веры касалась плечом,
а где она, Вера?
Огонь догорает в печи,
пустынно на даче.
А где-то пичужка кричит,
а может быть – плачет?

* * *

Доля. Долюшка. Судьба.
В чистом полюшке – изба.
Одинока, неказиста,
но над крышею – труба.
Начинается денёк,
разжигая огонёк,
– и не шибкий, и не хилый,
чтоб тепла хватило впрок.
На век. На день. На часок...

* * *

Всё как-то условно и тайно,
всё немногословно, случайно.
Полмира закрывшие плечи,
погасшие за полночь свечи,
рассвета лучи роковые,
глаза твои полуживые,
всё так осязаемо, зримо,
скользнуло случайно и... мимо.

* * *

Выдумка моя лучшая, радостнейшая радость!
Благодаря случаю встретились и расстались.
Ветви застыли надломлено, ветер застыл в испуге...
Чтоб иногда мы вспомнили музыку друг о друге.

* * *

На щедрых линиях ладони – моя судьба.
Как на рассохшейся иконе веков резьба...
Воображение богато, а суть проста
– здесь жизнь прошедшая распята взамен Христа.

* * *

Я благодарна ветреной судьбе за то,
что из огня бросаю в воду,
она вела к тебе, к тебе, к тебе –
которого я и не знала сроду!
За то, что ты изменчив, как прибор,
а жизнь горька, как яд стихотворенья,
за то, что ослепив меня тобой,
она забыла вернуть мне зреньё.